

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ: КАК РАБОТАЕТ ТЕКСТ

Цикл «Реплики»

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИЗОМОРФИЗМ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ?

Участники: *В.С. Степин, Н.М. Смирнова*
Организатор проекта и ведущая – *Ю.В. Синеокая*

Степин Вячеслав Семенович – доктор философских наук, профессор, академик РАН, почетный директор Института философии РАН. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vsstepin@gmail.com

Смирнова Наталия Михайловна – доктор философских наук, профессор, руководитель сектора философских проблем творчества. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: nsmirnova17@gmail.com

Синеокая Юлия Вадимовна – доктор философских наук, профессор РАН, заведующая сектором истории западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

Проблема методологической специфики естественнонаучного и социально-гуманитарного знания приобретает особую актуальность в рамках (пост)неклассической рациональности. Участники беседы обозначили современный контекст постановки вопроса о методологической специфике естественнонаучного и социально-научного знания и обсудили ключевые проблемы, вокруг которых разворачиваются основные дискуссии в этой области. Означает ли переход к изучению уникальных саморазвивающихся систем в постнеклассическом естествознании элиминацию методологической специфики социальных наук, направленных на постижение смысловых характеристик изучаемого социокультурного объекта? Каковы когнитивные пределы методологической конвергенции естественнонаучного и социально-гуманитарного знания? Какие этические ограничения накладывает работа с человекообразными системами? На эти и др. вопросы постарались ответить участники дискуссии.

Ключевые слова: методология, естествознание, социальные науки, саморазвивающиеся системы, человекообразные системы, научные идеализации, системность, смыслы, жизненный мир человека

Ю.В. Синеокая. Друзья, я рада приветствовать вас на новой встрече в цикле «Реплики» совместного проекта Института философии РАН и Московской государственной библиотеки им. М.Ф. Достоевского «Анатомия философии». Тема нашего разговора сегодня важна и трудна. Речь пойдет о специфике, инаковости и близости методологий естественнонаучного и

социально-гуманитарного познания мира и человека, о сближении методов естественнонаучного и социально-гуманитарного знания в рамках постнеклассической рациональности. Существует ли предел подобной конвергенции методологий? Сохраняют ли схемы метода социальных наук своеобразие или на современном этапе развития науки мы вправе говорить о едином научном методе? Эти и другие вопросы обсудят сегодня наши гости. Для меня большая честь представить вам одного из самых ярких и авторитетных ученых России, академика РАН, почетного директора Института философии РАН Вячеслава Семеновича Степина. Наш второй собеседник сегодня – доктор философских наук Наталия Михайловна Смирнова.

В.С. Степин. Сначала следует уточнить саму постановку вопроса. Социально-гуманитарное знание – это знание об обществе и человеке. Оно не сводится к науке, хотя и включает научное знание. Кроме того, в него входят и результаты других форм человеческого познания – художественного (литература, искусство), обыденного познания, философии, религиозно-мифологического опыта, состояния нравственного и политически-правового сознания. Все эти виды знания взаимодействуют между собой. Они включают в себя не только осознанные, но и неосознаваемые знания или, как их назвал известный физик, химик и философ науки М. Полани, неявное знание. Неявные знания могут быть выражены в форме навыков, образцов поведения и деятельности, традиций, мировоззренческих установок, ценностей.

В обыденном опыте большинство знаний о способах поведения и деятельности мы обретаем, начиная с детства, ориентируясь на образцы действий и поступков, сложившихся в культурной традиции. Образцы передают нам знания о том, как действовать и как вести себя, но это знание часто не осознается, оно неявное. Ценности, лежащие в основаниях культуры, тоже содержат в себе пласт неосознанного знания.

Если, например, спросить далекого от философии человека, что такое справедливость, то он не даст определения этого понятия, но он знает о нем, понимает, что есть поступки справедливые и несправедливые, и на конкретных примерах это проиллюстрирует. При этом человек переживает смысл концепта «справедливость», воспринимая его как ценность. Все виды явного и неявного знания программируют человека, регулируют его поведение, общение и деятельность.

Сложная многоуровневая исторически развивающаяся система надбиологических программ человеческой жизнедеятельности образует то, что обозначается термином «культура».

Человеческая жизнедеятельность регулируется двумя типами программ. Первый определяется биологической генетикой, тем, что биологически наследуется как результат предшествующей биоэволюции. Для человеческого организма – это геном.

Второй тип программ – это культура, то, что сформировано социальной эволюцией в качестве надбиологических программ, регулирующих деятельность, поведение и общение людей. Для общества как целостного социального организма основания культуры, представленные глубинными жизненными смыслами и ценностями, – это своего рода геном соответствующего вида общества.

Регулятивы культуры, надстраиваясь над биогенетическими программами человека, оказывают на них активное обратное воздействие. Они не отменяют, например, фундаментальных человеческих инстинктов – питания, самосохранения, размножения (половой инстинкт), но определяют возможные формы их

проявления в соответствии со сложившимися в культуре обычаями, традициями, нравственными и правовыми нормами. Только благодаря усвоению знаний, традиций, норм и ценностей культуры мы становимся людьми.

Научные знания включены в систему надбиологических регулятивов человеческой жизнедеятельности, но представляют лишь относительно небольшую их часть, хотя и чрезвычайно значимую в современной цивилизации.

В этом аспекте ответ на вопрос «существует ли методологический изоморфизм между естествознанием и социально-гуманитарным знанием» будет отрицательным. Изоморфизм – это одно-однозначное соответствие множеств, когда каждому элементу одного множества соответствует элемент другого множества, а каждой связи между элементами одного множества однозначно соответствует связь элементов другого множества. Если рассматривать социально-гуманитарное знание не только как область науки, но и в широком смысле как феномен культуры, включающий многообразие внеучных знаний, то очевидно, что ни искусство, ни религиозно-мифологическое постижение человека и мира, ни обыденное познание не строятся по образу и подобию науки, что между способами генерации научных и внеучных знаний изоморфизма нет.

Вопрос о методологическом изоморфизме имеет смысл обсуждать в рамках второго аспекта понимания социально-гуманитарного знания, когда оно ограничено областью науки и предстает как результат развития социально-гуманитарных наук. Тогда уместен вопрос, есть ли методологическое сходство между естественными и социально-гуманитарными науками.

Очевидно, что есть, иначе мы бы их не называли науками. Но тогда необходимо конкретно определить, в чем состоит это сходство и есть ли здесь методологический изоморфизм.

Ответы на эти вопросы требуют выявить в самых различных научных дисциплинах некоторое инвариантное ядро, которое объединяет их как науку и вместе с тем отличает от других, внеучных форм знания. Известный философ К. Поппер считал проблему демаркации – определения границ между наукой и внеучным знанием – важнейшей задачей методологии науки. Оказалось, что решить эту задачу непросто. Но в принципе можно, и в ее решение мы, российские философы, внесли существенный вклад.

Если исходить из того, что наука – феномен культуры, а культуру рассматривать как развивающуюся систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, то вопрос о специфике науки сводится к вопросу о том, как наука программирует человеческую деятельность. Для ответа на этот вопрос нужно предварительно определить структуру деятельности. За основу можно взять анализ К. Марксом труда в его «простых и абстрактных моментах» (V глава III тома «Капитала»). Предложенный К. Марксом подход можно изобразить в следующей схеме, которую предложил Г.П. Щедровицкий. Я воспроизведу ее с некоторыми дополнениями:

Деятельность можно представить как взаимодействие субъекта деятельности с ее предметом – тем, что преобразуется в процессе деятельности, на что субъект будет воздействовать.

Чтобы осуществлять воздействие на предмет, субъекту нужны средства деятельности. Они выступают усилителями его органов и служат проводниками его воздействия на предмет. С их помощью осуществляются действия (операции). Система этих операций, их набор и последовательность составляют то, что мы называем методом действия. Благодаря осуществлению операций мы получаем продукт (результат) деятельности, предмет в измененном состоянии.

Человек, чтобы стать субъектом той или иной деятельности, должен иметь в сознании программу деятельности. Она включает знания о предмете деятельности, о средствах и методах деятельности, навыки оперирования со средствами, цели и ценности. Цель – это идеальный образ будущего продукта (результата) деятельности. Этот образ играет регулятивную функцию в самом процессе деятельности. Цель, в свою очередь, обусловлена ценностями. Цель отвечает на вопрос «что?» – что должно быть произведено? Ценность отвечает на вопрос «для чего?». Она санкционирует тот или иной вид деятельности, определяет границы целей.

Программа деятельности позволяет воспроизводить определенные виды деятельности.

Продукты деятельности одного вида могут транслироваться в другие виды деятельности, превращаясь в их компоненты. Горнорабочий добыл железную руду, и она становится предметом деятельности сталевара. Сталь идет на предприятие, где делают станки. А станки используются в качестве средства для производства других продуктов. Но чтобы субъект смог все это осуществить, он сам должен стать предметом особой деятельности, а именно деятельности обучения и воспитания.

В структуре любой деятельности можно выделить две подструктуры – субъектную и объектную. Их связующим звеном выступают средства и операции деятельности. В рамках субъектной подструктуры средства могут быть рассмотрены как продолжение, дополнение и усиление костно-мышечной системы человека, его органов чувств и мозга, а операции – как порожденные субъектом действия. Но в рамках объектной подструктуры они предстают как взаимодействие объектов, результатом которых является переход исходного материала (предмета деятельности) O_1 в новый O_2 . Этот переход может быть рассмотрен как естественный процесс, управляемый объективными законами функционирования и развития взаимодействующих объектов.

Теперь можно сделать новый шаг – выяснить, в чем состоит специфика науки. Первой и необходимой отличительной характеристикой науки является признак объективности и предметности научного познания.

Наука выделяет в человеческой деятельности предметно-объективную подструктуру, и все рассматривает сквозь призму этой подструктуры. Ее главная задача – раскрыть законы, в соответствии с которыми воспроизводятся и преобразуются объекты. Как царь Мидас из известной древней легенды: к чему бы он ни прикоснулся, все превращалось в золото, – так и наука, к чему бы она ни прикоснулась, все для нее предмет, который функционирует и развивается по объективным законам.

Наука может изучать любые объекты – природные, социальные, ментальные, она может исследовать субъекта деятельности, состояния его сознания, саму деятельность и любые феномены культуры, но под одним углом зрения – как предметы, подчиненные объективным законам.

Деятельность может быть успешной только тогда, когда она соответствует действию объективных законов. Поэтому знание этих законов выступает ее необходимым регулятивом. Но, изучая объекты, преобразуемые в деятельности, наука не ограничивается познанием только тех предметных связей, которые могут быть освоены в рамках производства и обыденного опыта определенной исторической эпохи. Она выходит за эти рамки и начинает изучать объекты, непосредственно не связанные с запросами сегодняшней практики, получая результаты, которые могут найти практическое применение только на будущих этапах развития цивилизации.

Наука открывает человечеству предметные миры возможного будущего практического освоения. Но чтобы реализовать эту функцию, наука не редуцирует свой познавательный интерес только к практическим задачам современного этапа, а выступает как изучение мира самого по себе, в его объективности.

Эти две установки науки – на объективное исследование и на постоянное расширение предметных областей такого исследования – выражают особенности предмета науки. Отсюда вытекает специфика всех других характеристик научной познавательной деятельности: особенности средств и методов исследования научных знаний и специфика субъекта деятельности. В частности, особенности научного знания по отношению, например, к знаниям обыденного опыта определены включением в научное исследование объектов, которые могут радикально отличаться от объектов, освоенных в наличных массовых практиках. Для обыденного сознания они необычны и непонятны, а истинность высказываний об их свойствах и связях не может быть установлена их проверкой в уже сложившемся опыте. Такая проверка осуществляется благодаря формированию особой практики – научного эксперимента. Эмпирические высказывания непосредственно проверяются в эксперименте, теоретические – опосредованно, путем их логической редукции к эмпирическим. В результате научные знания предстают в форме системно связанных высказываний, обоснованных и доказанных. Системность, обоснованность и доказанность научных знаний отличает их от корпуса обыденного знания, которое предстает как конгломерат различных утверждений, образов, догадок, знаний, обобщающих обыденный опыт. И лишь отдельные фрагменты этого конгломерата являются логически связанными внутренне.

Специфика науки выражается и в особенностях субъекта научной деятельности. Она требует особой подготовки познающего субъекта, в ходе которой он осваивает исторически сложившиеся средства научной деятельности, приемы и методы исследования, парадигмальные установки и образцы решения задач. Вместе с тем он должен усвоить основные ценностные установки науки, которые определяют основные принципы научного этоса. Эти установки соответствуют особенностям предмета научного познания. Первая из них – поиск объективной истины. Ученый может ошибаться в этом поиске, но он не имеет права умышленно исказить истину в угоду каким бы то ни было вненаучным ценностям («Платон мне друг, но истина дороже»). Вторая установка научного познания – рост истинного знания, особая ценность новизны в науке, обеспечивающая открытие новых предметных миров и законов. Ученый не должен только повторять то, что сделано до него, он обязан дать приращение знания. Эти установки соотносены с особенностями предмета науки и выражаются в двух основных запретах научного этоса – запрета на умышленное искажение истины и запрета на плагиат.

Система признаков, отличающая науку от других, вненаучных форм познания и знания, одновременно выступает как инвариантное ядро, общее для всех областей научного знания. Если исходить из этого общего, которое фиксировало науку как особый род познания, то в этом аспекте можно говорить об изоморфизме между естествознанием и социально-гуманитарными науками. Вместе с тем это не исключает видового различия этих двух кластеров научных дисциплин. В этом случае одно-однозначное соответствие в фундаментальных методологических регулятивах, характеризующих общие особенности научного познания, сменяется много-однозначным – гомоморфным методологическим соответствием.

Н.М. Смирнова. Я хотела бы начать с того, чем Вячеслав Семенович закончил свое выступление, сказав, что *существует изоморфизм* естественно-научного и социально-научного знания, но последнее обладает и собственной спецификой. Я хотела бы внести уточнение в этот тезис и подчеркнуть, что эта специфика носит принципиальный характер. Поэтому говорить о методологическом изоморфизме естественнонаучного и социально-научного знания можно лишь в определенных когнитивных пределах, которые я и постараюсь обозначить. Знамением времени стал тезис о конвергенции естественнонаучного и социально-научного знания. Этот тезис положен в основу ныне проводимой научной политики организационного преобразования Академии наук. Сегодня под лозунгом конвергенции слиянию могут быть подвергнуты столь различные по профилю исследовательской работы научные организации, как нейтринная обсерватория, ландшафтный зоопарк и институт языкознания. Но я сознательно отвлекаюсь от подобных административных вопросов научной политики, дабы сосредоточить свое внимание на философско-методологических аспектах, а именно, на проблеме изоморфизма – если он существует – естественнонаучного и социально-научного знания.

Сначала о том, в чем я, безусловно, солидарна с Вячеславом Семеновичем и важность каких его идей я считаю нужным подчеркнуть. Тезис методологического изоморфизма обретает исторический смысл, когда мы обращаемся к истокам научного знания. В формах своего генезиса наука теснейшим образом связана с социальными практиками античного полиса: атрибутивные характеристики науки – доказательность, аргументированность, имперсональность истины, т. е. независимость истины от социального, имущественного и пр. статуса того, кто ее высказывает, – продукт трансляции на область когнитивных практик демократических установок принятия полисных решений. И если Евдокс для иллюстрации равенства геометрических фигур советовал: «Перегни чертеж и смотри сам», то Евклиду чувственно-наглядной очевидности уже недостаточно. Доказательность становится главной, определяющей чертой европейской¹ науки. Более того, доказательность научных положений, сегодня представляющаяся чем-то само собой разумеющимся, – результат, в общем-то, случайных культурных мутаций социальных практик античного полиса. Критичность в отношении собственных когнитивных процедур, методологическая рефлексивность – эта черта, безусловно, является общей не только для естественнонаучного, но и социально-научного знания.

Социальные науки гораздо «моложе» естественных, поэтому в процессе своего становления и развития они неизбежно ориентировались на когнитивные образцы (паттерны) классического естествознания. Социология («социальная механика»), например, как самостоятельная дисциплина

¹ В условиях авторитарных социальных режимов (восточная деспотия и т. п.) инструментом оправдания знания служила ссылка на авторитет его носителя.

оформилась лишь к середине XIX в. в ответ на вызовы индустриальной модернизации. Философски существенно, что социальные науки возникают в процессах разборки крупнейших синтезов новоевропейской метафизики. В результате размывания метафизических устоев европейской философии единичное и индивидуальное принимаются уже не «под залог» всеобщего (Абсолютного духа, духа народа и/или духа европейской культуры и т. п.), но как обладающие самостоятельным бытием и ценностью. Апофеоз единичного нашел свое выражение в буржуазной идеологии индивидуализма, нередко в весьма жесткой конфронтации с кланово-корпоративными и профессиональными установками.

Философский триумф единичного как самостоятельной ценности воплотился в методологии неокантианства Баденской школы. Для Г. Риккерта когнитивное схватывание в понятии ценности индивидуального, т. е. идиографический метод, – отличительный признак «наук о культуре». Причем, в отличие от В. Дильтея, жестко противопоставившего метод «наук о природе» как объясняющий методам «наук о духе» как понимающим, Г. Риккерт полагает их взаимодополнительными². Один и тот же объект могут сделать своим предметом как науки о природе, так и науки о культуре – в зависимости от когнитивной релевантности – того, обобщенные (типологические) или же индивидуальные (неповторимые) черты объекта интересуют ученого. И это методологическое прозрение, впоследствии воплотившееся в принципе дополнительности Н. Бора, изначально было сформулировано не в физике, а в философско-методологической рефлексии соотношения естественнонаучного и социально-научного знания.

Далее, наука выстраивается на основе рационального (а не мифологического, религиозно-мистического и т. п.) мышления – тезис, справедливый для любых отраслей научного знания. Даже если она исследует глубоко иррациональные феномены (психиатрические заболевания, эзотерические практики, мистические учения и т. п.), она выстраивает строго рациональные и логически непротиворечивые модели исследуемых процессов. Семантически наука представляет собою систему идеализированных объектов, «по построению» замещающих объекты реальности. Ученый работает не с «реальностью» как таковой, но с системой научных идеализаций, и необходимы специальные процедуры предметной интерпретации теории, зачастую весьма когнитивно изощренные.

В социальных науках также прибегают к научным идеализациям – в социологии их чаще именуют типизациями. Научно-социологические типизации – это смысловые конфигурации, сложившиеся эмпирически в синтезе социально-научного опыта. «Глаз социологического ума» сумел «разглядеть» их в социальной реальности как «типичное в индивидуальном». Для создания научных идеализаций индуктивных методов недостаточно: необходимо мобилизовать социологическое воображение. *Исторический идеальный тип* по построению сходен с художественным образом: это «сгущение» релевантных черт исследуемого объекта, сведенных воедино, когнитивное «усиление», доорганизация эмпирически данного. М. Вебер широко использует исторический идеальный тип для научного анализа социальных действий носителя «духа капитализма»³. *Логический идеальный тип* отличен от исторического по построению – это чисто теоретический конструкт. Он создан в

² Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 44–129.

³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 61–272.

«пробирке» теоретической техники и наделен теми свойствами, которые необходимы социальному ученому. Он «живет» исключительно в рамках теоретической схемы и контекстуально от нее зависим. Методологически важно избегать онтологизации (реификации) идеальных типов – отождествления теоретического описания, задающего обобщенный образ анализируемых процессов, с самой реальностью.

Однако в марксизме, построенном на гегельянских «философских основаниях» (термин В.С. Степина) со свойственным ему тождеством бытия и мышления, расходящуюся с теорией реальность необходимо «подогнать» под теорию, и зачастую посредством жестких социальных технологий. В отличие от марксизма, «понимающая социология» М. Вебера основана на кантианских философских презумпциях. Поэтому рассогласование поведенческих схем логического и исторического идеальных типов («должного» и «сущего») неизбежно, и именно этот «зазор» задает предметное поле эмпирических социологических исследований.

Равно как и в естествознании, в социальных науках прибегают к экспериментам, зачастую трудно отделимым от научного наблюдения. Но эмпирическому знанию в социальных науках присущи важные особенности. Если мы наблюдаем живых существ, то следует иметь в виду, что животное в неволе ведет себя иначе, чем в естественной среде обитания, а когда мы переходим к человеческим существам, то картина еще более усложняется. Когда социолог проводит социологический опрос, то сам вопрос генерирует в сознании респондента новые смыслы, которые до этого не существовали, – подобно тому, как в квантовой механике сама процедура измерения порождает новые эффекты. Взаимодействия в социальном контексте квантоподобны. Поэтому в целом, повторю, существует множество процедур и закономерностей, общих как социальным, так и естественным наукам.

Но вернемся к главному вопросу: существует ли методологический *изоморфизм* естественнонаучного и социально-научного знания? Ответ на этот вопрос глубоко зависим от культурной аксиоматики. В гегелевской парадигме законы природы и социальности едины, поскольку коренятся в процедурах когнитивного самопознания Абсолютного духа, его отчуждения в сферу природы и общественной жизни. И это отчуждение дает в принципе сходные результаты, хотя и с небольшими нюансами (в природе, например, нет развития, она, по Гегелю, лишь разнообразится в пространстве, а в общественной жизни развитие имеет место). Но источник законосообразности един. Поэтому исторические законы, по Гегелю, столь же объективны, как и смена времен года. Поэтому-то свобода есть познанная *необходимость*.

В позитивизме, претендующем на элиминацию онтологической проблематики, задача философии сведена к обслуживанию ее языка. Законы, действующие в механике, задающие парадигмальные образцы научного мышления и деятельности, должны быть непосредственно транслированы на область общественной жизни. Эта точка зрения весьма влиятельна и по сей день: законы природы и общества едины, но есть-де небольшая специфика, обусловленная «незрелостью» социальных наук, их неготовностью работать изошренными естественнонаучными методами. Подобной точки зрения придерживался и отец-основатель социологии О. Конт, который ввел в научный оборот сам термин «социальная физика». Вершина позитивизма в социологии – социальная методология Э. Дюркгейма – основана на презумпции методологического изоморфизма естественнонаучного и социально-научного

знания: «социальные факты нужно рассматривать как *вещи*»⁴. Однако когда он обращается к столь деликатной проблеме, как социологический анализ статистики самоубийств, то оказывается перед неразрешимой проблемой. Он обнаруживает, что уровень самоубийств у протестантов выше, чем среди католиков, а у мужчин выше, чем у женщин. Э. Дюркгейм рассуждает так. Католики выше ценят свое (гуманитарное) образование, чем протестанты – техническое. Последние более склонны к рискованным предприятиям, и неудачи в бизнесе ставят их в пограничную ситуацию. Аналогично, мужчина – существо более сложное, рассуждает Э. Дюркгейм. Он нуждается в большем числе социальных опор, тогда как эмоциональные потребности женщины сравнительно легко удовлетворимы: несколько благотворительных дел, домашнее животное, на которое можно излить свою ласку, – и жизнь пожилой одинокой женщины полна до краев. Может ли это служить социологическим объяснением? Вероятно, да. Но для того чтобы осуществить это объяснение, патриарх позитивистской социологии обращается не к анализу «социальных фактов», общих для католиков и протестантов, мужчин и женщин, а к им же отвергнутым социальным *значениям*, не входящим в содержание понятия «социальный факт»⁵. Так *смысловые* характеристики социальных действий, изгнанные за дверь, стучатся в окно – в кричащем противоречии с естественнонаучными принципами заявленного метода.

«Поздний» Э. Гуссерль определяет историю философии Нового времени как «*борьбу за смысл* (курсив мой. – *Н.С.*) человека»⁶. Он утверждает, что единственная реальность, данная человеку, – это реальность его жизненного мира (*Lebenswelt*) – «забытый смысловой фундамент естествознания»⁷. Представление об онтологической первичности природы развито в эпоху Нового времени как культурная предпосылка классической науки. Основоположник феноменологии полагал, что природа «до и вне человека» является идеализированной («тощей») абстракцией, оставляющей «за скобками» самое человеческое в человеке: его жизнемировые значения. Идеализация природы «самой по себе» является продуктом интеллектуальной стенографии, пока не выявлены глубокие культурные и жизнемировые корни этого понятия.

Один из важнейших (и не вполне усвоенных) уроков феноменологии состоит в том, что существует глубокое *онтологическое различие* природного и социального миров, которое развитое философско-методологическое мышление не вправе игнорировать. В чем оно состоит? В секуляризованной картине мира классической науки – в отличие от имманентно наделенного смыслом универсума высокой схоластики – природа лишена изначально присущего ей смысла: она «ничего не значит» для составляющих ее атомов и молекул. Но представитель социальных наук – будь то историк, социолог или культуролог – имеет дело с миром, который изначально *уже* осмыслен. Он не приписывает ему первичного смысла, как это делает естествоиспытатель, – этот мир изначально светится смыслом. И задача социального ученого, если он хочет понять этот осмысленный мир и отобразить его в научных понятиях, – реконструировать этот смысл рациональными методами, постичь *субъективные смыслы, мотивы и примордиальные интенции*. Это методы герме-

⁴ «Первое и основное правило состоит в том, что *социальные факты нужно рассматривать как вещи*» (Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 421).

⁵ Там же. С. 411–420.

⁶ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2013. С. 3–5.

⁷ Там же. С. 89.

невтики, понимающей социологии и социальной феноменологии, развитые (исключительно) для решения специфических задач социальных наук – понимания оснований социального мышления и действия. Поэтому философско-методологическое сопровождение социального ученого должно состоять в том, чтобы помочь ему осознать, что его понятия являются «конструктами второго порядка», которые надстраиваются над первичными смысложизненными интерпретациями. Тезис «вторичности» понятий социальных наук в отношении жизнемировых значений имеет принципиальное значение, о котором я говорила в начале своего выступления. Подчеркну, что методологическое игнорирование *смысловой структуры* социальной реальности ведет к искажающему *овеществлению* социального мира и теоретической дегуманизации человека.

В.С. Степин. В начале своего выступления Н.М. Смирнова обозначила в качестве его главной темы выявление специфики социально-гуманитарных наук, отличие их методологии от методологии естествознания. Но большая часть этого выступления была уделена анализу сходства приемов построения знания в этих двух областях развивающейся науки. И это не случайно. Чтобы зафиксировать методологические особенности различных областей науки, необходимо определить методологическую основу, с позиций которой это различие будет анализироваться. Такой основой выступают представления о структуре и исторической динамике научного знания. Они вырабатываются с опорой на конкретный эмпирический материал истории науки. Методология в качестве такого материала традиционно использовала тексты из истории математики и физики. И это тоже не случайно. Эти науки раньше других сформировали развитый уровень теоретического знания, а что касается физики, то в ней сложился также в дифференцированной и развитой форме уровень эмпирического знания в его соотношениях с различными типами теоретического. И то, что в других науках, позднее вступивших на путь теоретизации, прослеживалось в зародышевых формах, в математике и физике выражено в отчетливом и развитом виде. Разработка проблематики структуры и динамики науки с акцентом на эти области знания позволила сформировать базовые представления, успешно применимые и в других научных дисциплинах.

Развитие науки достигается не за счет заранее вводимых запретов на использование уже полученного знания в новых областях, а как раз наоборот – путем распространения на эти новые области уже выработанных понятийных каркасов и модельных представлений с последующей их трансформацией, если обнаружатся их несоответствия фактам, выражающим специфику новой предметной области.

Методология как компонент научного познания также развивается по этой схеме. Когда обнаруживаются принципиальные трудности в применении уже наработанных представлений в новой области, то методологические исследования не ограничиваются утверждением о специфике этой области, а ставят проблему корректировки применяемого методологического инструментария и его дальнейшей разработки.

Каждый новый уровень такой разработки открывает новые возможности в анализе специфики естественнонаучного и социально-гуманитарного исследования и их взаимодействия. Ранее провозглашаемая жесткая демаркация между ними оказывается относительной и подвижной. Сдвиги в методологической проблематике связаны, прежде всего, с осмыслением возникающих в ходе развития науки новых типов ее рациональности, формированием классической, неклассической и затем постнеклассической рациональности.

Критериями их различия выступают 1) особенности системной организации исследуемых объектов – простые (механические) системы (классика), сложные самоорганизующиеся системы (неклассика), сложные саморазвивающиеся системы (постнеклассика); 2) специфика интерпретации идеалов и норм их исследования (идеалов описания, объяснения, доказательности и обоснования, строения знания); 3) особенности философской рефлексии над процессом исследования, выраженной в философских основаниях науки. Для классики было достаточно представить познавательную деятельность как отношение субъекта к объекту при интерпретации субъекта в качестве суверенного познающего разума, со стороны фиксирующего наблюдаемые признаки объекта в форме явлений и способного объяснить их посредством обнаружения существенных характеристик объекта.

Неклассический подход акцентирует деятельностную природу познания. Деятельность выступает своего рода посредником между субъектом и объектом, их связью, условием постижения явлений и их сущности. Рефлексия над деятельностью учитывает особенности ее средств и операций, в системе которых субъект получает знания об объекте. Учет этих особенностей в неклассике выступает условием объективного описания и объяснения явлений. Что же касается постнеклассики, объектами исследования которой являются саморазвивающиеся системы, то в ней возникает еще более глубокий уровень философской рефлексии над познавательной деятельностью. Учитываются не только особенности средств и операций, но и ценностно-целевые структуры, определяющие программу деятельности. Обоснованием этого уровня рефлексии выступает понимание науки как компонента культуры, идея ее социокультурной детерминации.

Возникновение каждого типа рациональности не отменяет предшествующего типа, а лишь ограничивает сферу его действия. Есть задачи, для решения которых неклассика и постнеклассика избыточны, и для их решения достаточно классического подхода.

С учетом исторического развития научной рациональности в новом свете предстает и проблема специфики социально-гуманитарных наук. Еще в эпоху доминирования классической рациональности трансляция методологических установок и парадигмальных образцов из естествознания в зарождающиеся социально-гуманитарные науки обнаруживала недостаточность этих средств. В этой связи и были артикулированы идеи радикального отличия наук о природе и наук о духе.

Основные аргументы в пользу такого различия были обозначены в выступлении Натальи Михайловны. Во-первых, это – идея историзма при описании социальных изменений. Во-вторых, противопоставление методу генерализации идиографического метода, который ориентирован на познание уникальных, нетипологизированных состояний социальной истории. В-третьих, соотнесение научного знания о человеке и обществе с социальными ценностями, свойственная социально-гуманитарным наукам рефлексия над ценностями в самом процессе построения знания.

По отношению к современной науке признаки различия наук утрачивают свою неявно провозглашаемую абсолютную значимость. В науке XX – начала XXI в. сформировались неклассический, а затем и постнеклассический типы рациональности, ориентированные на исследование сложных саморегулирующихся и саморазвивающихся систем. Их главные системные характеристики выражает современная научная картина мира, в которой принцип универсального эволюционизма применен ко всем стадиям развития нашей Вселенной.

Согласно современным представлениям, это развитие проходит ряд этапов, каждый из которых связан с формированием новых, усложняющихся уровней организации материи. Это возникновение после Большого взрыва гравитации и четырехмерного пространства-времени, затем разделение сильных и электрослабых взаимодействий с дифференциацией последних на слабые и электромагнитные. Возникновение каждого из этих типов взаимодействия было неразрывно связано с возникновением соответствующих видов элементарных частиц.

Последующие стадии космической эволюции определялись формированием ядер атомов в недрах звезд уже первого поколения, а затем при выбросах звездного вещества и взрывов звезд большой массы возникли атомы, молекулы и макротела в виде первых газово-пылевых туманностей. Было время, когда в природе не существовало атомов и молекул. Они предстают как результат определенного этапа космической эволюции. Взаимодействие атомов и образование все более сложных молекул знаменовало новую стадию развития нашей Метагалактики – стадию химической эволюции, которая ускорилась в связи с формированием звезд второго поколения и планетных систем, возникающих в результате гравитационного сжатия газово-пылевых туманностей. В ходе химической эволюции формировалось многообразие сложных молекул, в том числе ДНК, РНК и первичных белков как строительного материала для возникновения жизни. Ее развитие на нашей планете знаменовало переход к следующей стадии космической эволюции – ее биологической составляющей. Возникла биосфера и ее усложнение в процессе порождения новых уровней организации живого (клетка, многоклеточные организмы, популяции, биогеоценозы). В свою очередь, это создало предпосылки для становления человека и общества. Возникает социальная эволюция – историческое развитие человеческого общества. Человек и его деятельность становятся фактором, обеспечивающим реализацию таких сценариев эволюции природных объектов, которые чрезвычайно маловероятны, хотя и не противоречат законам природы. Природа без человека не создает ни автомобиля, ни самолета, ни ядерных электростанций, ни компьютеров на кристаллах. Но они возникают благодаря деятельности, которая активизирует потенциальные возможности природной эволюции. Искусственное, с точки зрения глобального эволюционизма, предстает здесь как особый вариант естественного.

В рамках современных представлений о космической эволюции основные области научного познания – как естественные, так и социально-гуманитарные науки – имеют дело с исторически развивающимися объектами. Принцип историзма перестает быть только отличительной особенностью наук о духе, а распространяется также и на науки о природе: физику, химию, биологию.

Сходная ситуация возникает и со вторым обозначенным признаком специфики социально-гуманитарных наук. Когда Г. Риккерт выделил в качестве особенностей социальных наук наличие нетипологизируемых, уникальных состояний в истории общества и акцентировал идиографический метод как особенный признак социально-исторического исследования, то по отношению к науке своего времени он был прав. Но его интерпретация уже требует корректировки, если распространить ее на современную науку. Исторический подход к объектам космической эволюции позволяет выделить и в естествознании уникальные, нетипологизируемые объекты. К ним относятся, например, Метагалактика и биосфера Земли. Не открыта пока и

жизнь на других планетах нашей Метагалактики, хотя вероятность такого открытия достаточно велика. Но в настоящее время мы имеем дело только с одним вариантом Вселенной и одним вариантом жизни – биосферой нашей планеты. И тогда можно сделать вывод, что идиографический метод применим не только при исследовании социальной истории, но и при изучении исторического развития уникальных природных систем. При этом не следует сводить идиографический метод только к эмпирическому уровню исследований – фактофиксирующему описанию последовательности исторических событий. Важно не упускать из вида специфику теоретического исследования уникальных нетипологизируемых, исторически развивающихся объектов. Такое исследование предполагает построение особых теоретических моделей – исторических реконструкций, раскрывающих логику исторической эволюции объекта и объясняющих накопленные факты. В этом аспекте можно говорить о своего рода перекличке в методологии социально-гуманитарного и современного естественнонаучного исследования исторически развивающихся систем.

Наконец, о третьем признаке, традиционно выделяемом в качестве характеристики методологической специфики социально-гуманитарных наук, – об отнесении знаний об объекте к социальным ценностям. В постнеклассической науке, когда главными объектами исследования становятся сложные исторически развивающиеся системы, этот признак становится общим для всех областей науки, изучающих системы указанного типа, будь то естествознание, технические или социально гуманитарные науки. Саморазвивающиеся системы периодически проходят через стадии качественной трансформации (фазовые переходы). На этих стадиях возникают несколько возможных сценариев развития системы. Человеческая деятельность может активизировать любой из них, тем самым направляя развитие в определенное русло. В этом случае воздействие перестает быть внешним по отношению к системе и выступает как ее компонент. Большинство сложных развивающихся систем человекоразмерны, включают человека в качестве внутреннего компонента системы. С такими системами нельзя свободно экспериментировать, при выявлении сценариев развития системы важно оценить риски их реализации и выделить среди них те, которые могут привести к негативным последствиям для человека.

Соотнесение с ценностями выступает здесь условием объективного исследования как природных, так и социальных объектов. Оно реализуется уже в институциональных формах, в качестве социально-этической экспертизы научных и научно-технологических проектов. Внутренней этики науки уже недостаточно. Необходимо ее особое дополнение рефлексией над гуманитарными ценностями.

В результате жесткое разграничение по признаку соотнесения с ценностями естественных и технических наук, с одной стороны, и социально-гуманитарных наук, с другой, становится размытым.

Сказанное, конечно, не отменяет проблему специфики социально-гуманитарных наук. Но необходим более углубленный анализ этой проблематики. Исходная позиция такого анализа, бесспорно, должна учитывать органичную включенность жизненных смыслов и ценностей в структуру социального мира, во все сферы социальной жизнедеятельности людей. И в этом пункте у меня нет разногласий с Натальей Михайловной. Но я вынужден еще раз подчеркнуть, что поскольку по мере развития науки происходит уточнение и даже пересмотр ранее введенных жестких разграничительных линий ме-

жду науками о природе и «науками о духе», то и проблематика особенностей социально-гуманитарных наук и их взаимоотношений с естествознанием на современном этапе требует дальнейшего, более углубленного анализа.

В этом плане, соглашаясь со многими суждениями Н.М. Смирновой, я вместе с тем считаю, что заключительный вывод ее выступления требует серьезных пояснений и корректировки. Неясно, в каком значении применяется термин «овеществление» и говорится об овеществлении социального мира. В контексте приведенного высказывания «овеществление социального мира» противопоставляется его смысловой структуре и представлено как своего рода индикатор «теоретической дегуманизации человека». Но социальный мир не сводится только к духовной культуре. Он включает также вещно-предметную компоненту – мир вещей второй природы, вне которого невозможна человеческая жизнедеятельность. И сам этот мир как неотъемлемый компонент социальной реальности вовсе не является альтернативой ее смысловой структуре.

Объекты второй природы, сформированные человеческой деятельностью, опредмечивают цели и ценности этой деятельности. Поэтому их можно рассматривать в двух аспектах – как состояния природы, возникающие в ходе космической эволюции на этапе возникновения общества, и как феномены материальной культуры, репрезентирующие жизненные смыслы, характерные для той или иной стадии социального развития.

Смысловая структура социальной реальности, бесспорно, является важнейшим предметом социально-гуманитарного исследования. Но, соответственно специфике научного подхода, она рассматривается как объект, подчиненный законам социального развития. И такого рода объектно-предметное рассмотрение вовсе не приводит к дегуманизации человека. Напротив, в шкале базовых ценностей обществ, реализующих техногенный тип развития, научная рациональность, ориентированная на объективное исследование реальности, занимает престижное место, предстает как выражение высших свойств человеческого сознания – способности разума познавать законы природы и общества. И даже тогда, когда обнаруживаются обостряющиеся глобальные кризисы, порожденные техногенной цивилизацией, выясняется, что их преодоление невозможно без применения научных знаний, без научного анализа социальных рисков, без научного обоснования новых стратегий развития.

Ю.В. Синеокая. Спасибо огромное. Переходим к вопросам.

Вопрос из зала. Поскольку Вы придерживаетесь эволюционной концепции, причем эволюция присутствует с первых шагов возникновения Вселенной, то должны возникать и новые программы. Чтобы они возникли, нужна новая информация, а чтобы появилась информация, нужен разум.

В.С. Степин. Информация, порождаемая разумом, – это только один из видов социально значимой информации. В общественной жизни есть и виды социальной информации неосознаваемой, подсознательной, которые также программируют человека в его поведении и общении. Но кроме социально значимой информации, которая возникает с появлением общества и человека, есть информация в биологических системах. ДНК, РНК, 3-Д белки – это информационные коды, программы, обеспечивающие воспроизводство одноклеточных и многоклеточных организмов. Но их наличие, например, в клетке не означает, что клетка есть разум.

Возникновение все более сложных типов саморазвивающихся систем в ходе космической эволюции ставит проблему информационных процессов в неживой природе как предпосылок формирования биологической и соци-

альной информации. На эту тему есть серьезные исследования – например, концепция выделенной информации в сложных физических системах, определяющей их взаимодействие со средой (Д.С. Чернавский); обнаружение своего рода «памяти» в сложных химических реакциях (А. Баблюяц). Но отсюда не следует, что такие взаимодействия можно интерпретировать как разумные. Суждение о том, что если разум есть информация, то значит, любая информация есть разум, логически ошибочно.

Вопрос из зала. Хокинг использует понятие информации в черных дырах. Это характеристика структуры материи, она очень сложна. Но Вы сказали, что естественные и социальные науки едины в своих методах, т. к. и здесь, и там изучаются саморазвивающиеся системы. Но ведь есть же и отличие: естественные науки занимаются объектами, а социальные – субъектами. А субъект – это образование, которое может принимать решения. Человек может принимать решения, а природа – нет. В этом и отличие.

В.С. Степин. Человек в системе общественных отношений может быть не только субъектом, но и объектом деятельности. Наука изучает его в обоих аспектах. И когда она рассматривает его как субъекта деятельности, она также исследует его предметно и объективно. Процесс принятия решений может стать предметом исследования социологии и психологии. Но тогда он предстает как особый объект изучения. Моя позиция состоит не в том, что «науки едины в своих методах». Наука дифференцирована. В каждой из научных дисциплин есть своя специфика и свои методы. Методологическое единство науки заключается в наличии в ней общих методологических идей и принципов, которые развиваются в контексте исторической эволюции науки. Эти идеи и принципы регулируют взаимоотношения конкретных методов различных дисциплин. Сегодня их разработка обретает особую актуальность в связи с резким возрастанием в современной науке роли междисциплинарных исследований.

Список литературы

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М.И. Левиной // *Вебер М.* Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. с нем. Д.В. Кузницына. СПб.: Наука, 2013. 493 с.

Дюркгейм Э. Метод социологии / Пер. с фр. А.Б. Гофмана // *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 391–532.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем.; общ. ред. А.Ф. Зотова. М.: Республика, 1998. 413 с.

Does the methodological isomorphism between natural and social sciences exist?

Vyacheslav S. Stepin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: vsstepin@gmail.com

Natalia M. Smirnova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: nsmirnova17@gmail.com

Julia V. Sineokaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

The subject of the panel discussion here reported concerned the problem: to what extent can one rely on scientific methods in the study of social and cultural reality? Have these methods proven themselves to be universal and equally valid in the study of both natural and socio-cultural phenomena? Does the transition to the study of self-developing systems under post-non-classical rationality transcend the highly specified character of social and cultural objects as meaningful in their essence? **What are the limits (if any) of methodological convergence between natural and social sciences?** What social and ethical limitations does the study of human-dimensional systems imply? The discussion attempted to answer these and other questions.

Keywords: methodology, natural sciences, social sciences, meaning, self-developing systems, human-dimensional systems, ideal objects of science, ideal types, human life-world

References

Weber, M. "Protestantskaya etika i dukh kapitalizma" [Protestant ethics and the spirit of capitalism], trans. by M.I. Levina, in: M. Weber, *Izbrannye proizvedeniya* [Selected papers]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 61–272. (In Russian)

Husserl, E. *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [The crises of European sciences and transcendental phenomenology], trans. by D.V. Kuznitsyn. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013. 493 pp. (In Russian)

Durkheim, E. "Metod sotsiologii" [Method of sociology], trans. by A.B. Gofman, in: E. Durkheim, *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The division of social labor. Method of sociology]. Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 391–532. (In Russian)

Rickert, H. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Sciences of nature and sciences of culture], trans. from German, ed. by A.F. Zotov. Moscow: Respublika Publ., 1998. 413 pp. (In Russian)